

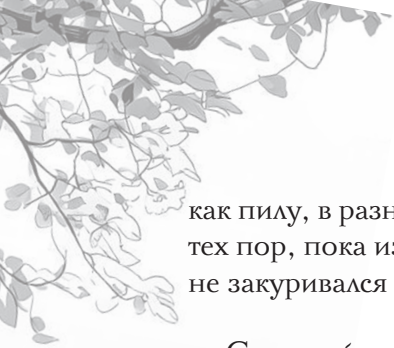

1. ИВАНОВ ДЕНЬ

На Иванов день ночи короткие и теплые.

Когда солнце сваливалось за частокол еловых верхушек, в деревне тушили и затапывались все огни, кроме лампадки в маленькой деревянной церковке. Но и этого огонька не было видно, потому что деревенский церковник отец Агафангел считал, что, хоть праздник и христианский, празднуют-то его по-язычески. И сердито закрывал ставенки церкви, стоявшей в самом что ни на есть правильном месте, на вершине холма.

Затем посреди деревеньки в специальную колоду с выдолбленной лункой ставили бревно, наматывали на него пеньковую веревку, и два крепких мужика таскали ее,

как пилу, в разные стороны. До пота, до одышки, до тех пор, пока из лунки, в которой крутилось бревно, не закуривался тонкий голубой дымок.

Сидящий тут же на корточках Нестор, мальчонка лет двенадцати, большими внимательными глазами следил за бревном, подкладывал к лунке сухой мох с шелковистой берёстой и старательно вздувал пламя.

Как только показывался первый лепесток огня, к нему со всех сторон тянулись пучки соломы, лучинки, факелы, куски берёсты, хворостины. И каждый на свой лад, с благоговением перед неустаревающим чудом приговаривал:

— Чистый огонь!

— Чистый огонь!

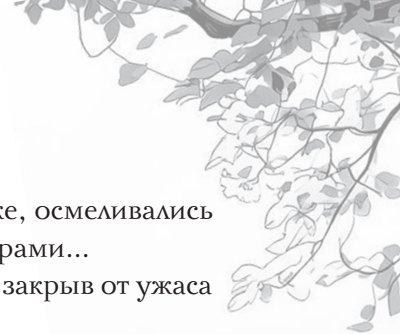
— Чистый огонь!..

Вспыхивали десятки огней и разносились во все стороны. Кто-то нес свой огонек в горшке с углями, чтобы утром растопить печь. Кто-то зажигал в избе лучину. Кто-то разводил большой костер, который выстреливал в звездное небо высоким ярким пламенем.

Мальчишки горящими хворостинами чертили в воздухе круги и змейки.

А пока мужики и парни возились с огнем, молодые девки плели венки из луговых цветов и пускали их по воде.

Когда разгорелось и стало разваливаться костерище, парни начинали с разбегу прыгать через огонь, горделиво поглаживая после прыжка опаленные усы и бороды.

А когда пламя становилось пониже, осмеливались прыгать и девки. Потом прыгали парами...

Затем и дети с визгом и гиканьем, закрыв от ужаса глаза, повторяли подвиги взрослых.

После парни откуда-то прикатывали большое тележное колесо и долго и тщательно, обмениваясь шутками-прибаутками, мазали его густой смолой. Подожгли и под громкие вопли пустили вниз с холма.

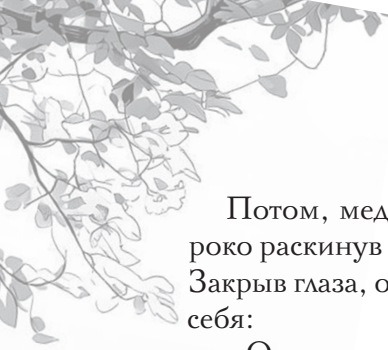
И пока колесо катилось и исчезало в туманной прогалине, все провожали его восторженными взглядами, испытывая какой-то необъяснимый, невероятный душевный подъем.

А тем временем на луга и поля спускался густой ночной туман и покрывал травы обжигающей росой.

Молодые девки, воровато оглядываясь, исчезали куда-то по одной. Бесшумно, словно тени, пробрались они на прибрежные луга, где стояла еще не скошенная, высокая, в пояс, трава, и, быстро скинув одежду, катались в чем мать родила по студеной росе.

Одна из девушек, Анна, выбрала себе укромное местечко между кустами и уже подхватила было подол сарафана, как внезапно раздалось жуткое уханье филина. Мелко крестясь от страха, Анна присела и скрылась в низком тумане, но вскоре ее голова настороженно вынырнула из серой пелены.

Филин снова заухал. Анна поняла, в чем дело, и облегченно улыбнулась. Выпрямилась во весь рост, взялась за подол и решительно скинула с себя сарафан.

Потом, медленно опустившись на колени и широко раскинув руки, ладонями собрала росу с травы. Закрыв глаза, омыла ею лицо. При этом шептала про себя:

— Окунусь в росу, заберу красу... Окунусь в росу, заберу красу...

Повалилась в траву и каталась, растирая росу ладонями по всему телу и беспрестанно шепча, как заклинание, как молитву:

— Окунусь в росу, заберу красу...

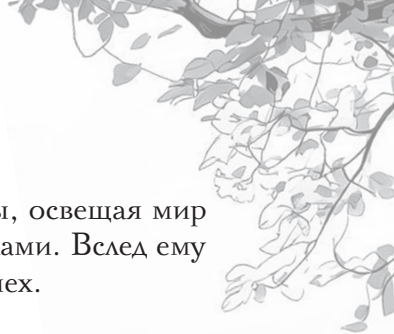
Не видела она, как из-за соседнего куста за ней неотрывно следят чьи-то горящие глаза.

А разгоряченные парни вымазали еще одно колесо, побольше, смолой, опять подожгли его и показали вниз с холма, туда, где крутой берег приводил к невидимой сверху реке.

Двое самых резвых и ловких бежали рядом с горящим колесом и длинными рогатинами направляли его бег, не давая упасть.

Анна, уже завершив колдовской ритуал, искала в высокой траве свою одежду, и тут из-за ближайшего куста к ней метнулась чья-то тень. Девушка вскрикнула, отпрянула, но, взглядевшись, успокоилась; губы ее тронула насмешливая улыбка.

К ней неспешно приближался огромный двуногий козел с острыми рогами. Но было что-то жутковатое в его безмолвном приближении, и мгновение спустя улыбка сползла с ее лица. Глаза удивленно округлились, потом в них мелькнул страх, и она, вскрикнув еще раз, в ужасе бросилась бежать.

Огненное колесо катилось с горы, освещая мир причудливыми таинственными бликами. Вслед ему раздавались ликующие выкрики и смех.

Но Анна, обезумевшая от страха, ничего этого не видела и не слышала. Она бежала по грудь в густом тумане, подгоняемая сзади звуками частого сиплого дыхания.

Веселые ловкие парни снова и снова подталкивали рогатинами огненное колесо. Но вот оно взлетело в воздух, а затейники остались на берегу, прислушиваясь, как шипит упавшая в реку древесина.

Анна бежала, выбиваясь из сил. Босые ноги кро-воточили, но она не обращала на это внимания. Чер-ная козлиная тень неумолимо настигала ее.

Она не заметила края глубокого оврага, заполненного туманом, и, рухнув туда, покатилась по крутому склону. Зацепившись за какую-то ветку, оборвалась и повисла нитка бирюзовых бус.

Преследователь нырнул в прореху разорванного тумана вслед за ней. Нагнал он девушку на самом дне оврага, навалился, зажал, притиснул к земле и, сдернув с головы маску, стал покрывать ее щеки, губы, шею, грудь поцелуями... Вернее, даже не поцелуями, а звериными укусами, оставлявшими кровавые следы...

Анна закричала, но тяжелая широкая ладонь за-крыла ей рот.

А сельчане тем временем уже увлеклись новой забавой.

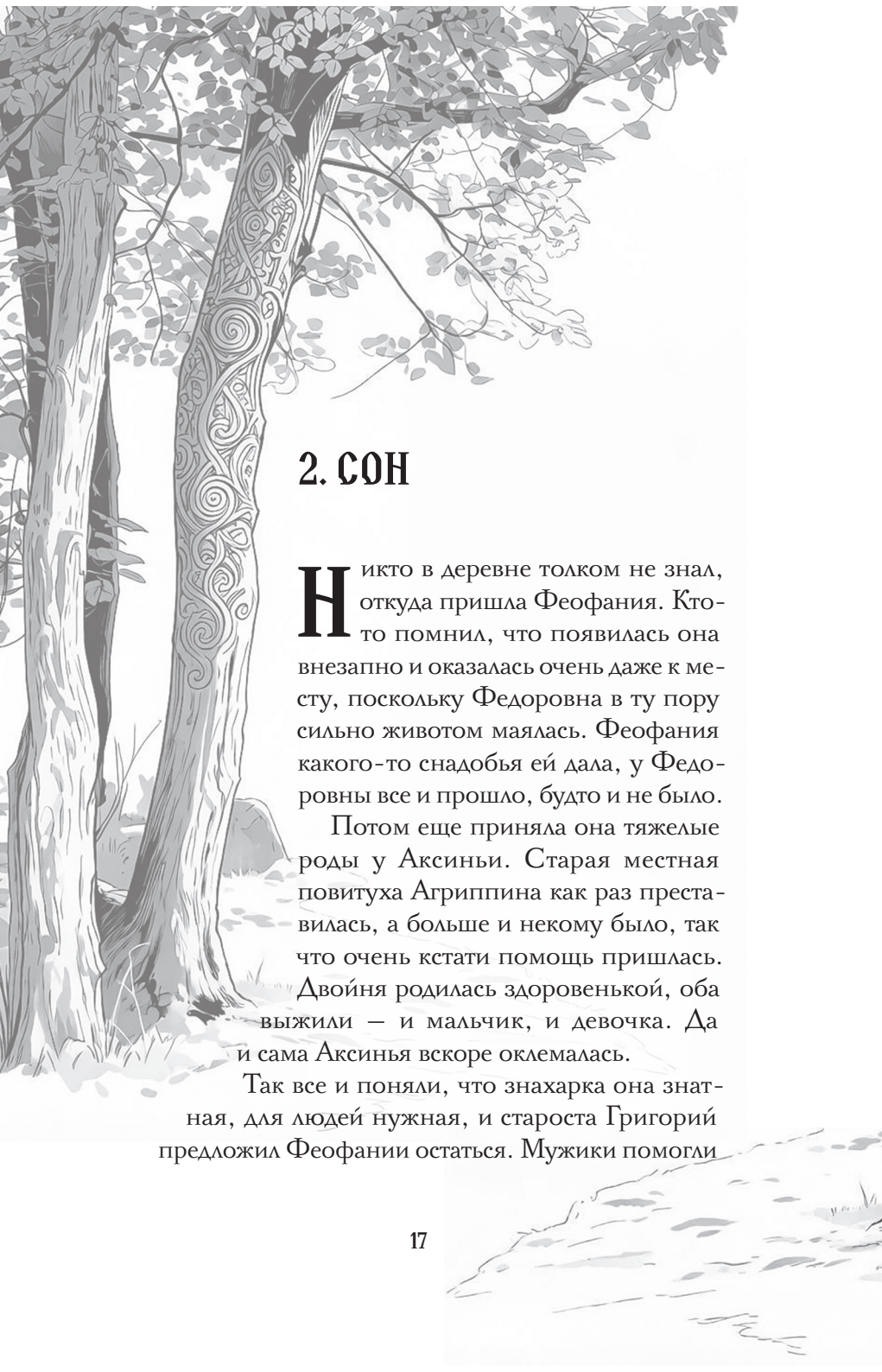
Кружились в веселом хороводе парни и девушки, не выпускали из круга незадачливого паренька, вновь и вновь пытавшегося вырваться наружу.

Козлиная голова валялась на траве.

Рядом, тяжело дыша, лежал на недвижимой девушке неузнаваемый в темноте то ли человек, то ли зверь.

Откинута рука Анны, судорожно сжимавшая выдернутую вместе с землей траву, медленно и безвольно разжалась...

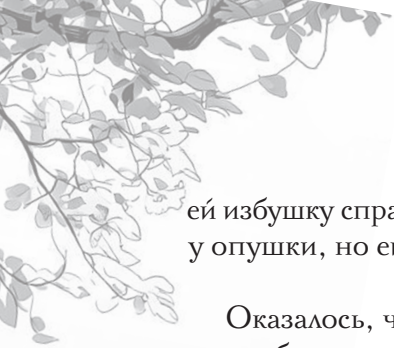

2. СОН

Никто в деревне толком не знал, откуда пришла Феофания. Кто-то помнил, что появилась она внезапно и оказалась очень даже к месту, поскольку Федоровна в ту пору сильно животом маялась. Феофания какого-то снадобья ей дала, у Федоровны все и прошло, будто и не было.

Потом еще приняла она тяжелые роды у Аксиньи. Старая местная повитуха Агриппина как раз преставилась, а больше и некому было, так что очень кстати помощь пришла. Двойня родилась здоровенькой, оба выжили — и мальчик, и девочка. Да и сама Аксинья вскоре оклемалась.

Так все и поняли, что знахарка она знатная, для людей нужная, и староста Григорий предложил Феофании остаться. Мужики помогли

ей избушку справить. В самом конце деревни, правда, у опушки, но ей как раз нравилось, что место тихое.

Оказалось, что Феофания еще к тому же и в глине разбирается. Нашла какую-то особую на обрыве, стала из нее разные диковинные фигурки лепить. Сельчане поначалу косились, а потом попривыкли.

А сколько той странной Феофании годов набежало, никто почему-то и не спрашивал никогда. Видно, что молодуха, и ладная к тому же, вот и славно.

Так время и шло. Ежели у кого хвороба какая, то первым делом Феофанию зовут. И она завсегда помочь готова, будь то человек али скотина.

В эту праздничную ночь Феофания осталась дома, в деревенских забавах не участвовала, что-то в них ей противилось.

Пыталась заснуть, но отчего-то совсем не спалось. Все ворочалась, маялась. Только под утро одолел ее сон.

Но лучше бы и не засыпала. Уж больно пришедший наконец сон оказался страшным.

Сон этот был памятный, хотя и приходил к ней нечасто. Последние годы — так и совсем редко. Снизлась ей мать, Дарина, привязанная к дереву и обложенная сухими ветками. Вокруг бесновалась толпа, орала:

— Ведьма! Жги ее! Умри, ведьма! Жги!.. — И кто-то самый резвый уже подбегал с факелом, поджигал хворост.

Дарина находила глазами десятилетнюю дочь и отчаянно кричала:

– Феофания! Не смотри! Беги!

– Мама!!! — истошно вопила в ответ Феофания.

Бросалась туда, где дым от горящих веток уже заволакивал несчастную женщину. Девочку перехватывал и уводил подальше от места казни какой-то сердобольный бородатый мужик, что-то приговаривал, гладил по голове, вытирал безудержные слезы...

Так, в слезах, она и проснулась, а потом долго приходила в себя.

